

MYLIDONIK

P-2295

МУШФИК

Лирика

Азербайджанский суд. Респуб.
Т Е К А
имени Г. Ф. Ахундова

Ш 6 (2 = А3) 7 + А3

С(А3)2
М99

Составитель, автор послесловия
и переводчик

Владимир КАФАРОВ

© Язычы, 1985.

Я тучи, словно молния, прорвал—
Сверкающим цветам я отдал сердце.
Я, словно солнце, темноту прогнал
И пламенным мечтам я отдал сердце.
Давно ли трепетал, теряя высь,
Свечою гасла не моя ли жизнь,
Не надо мной ли призраки вились?
Очнулся и громам я отдал сердце.
Когда же крылья крепкие обрел,
На жизнь взглянул, как молодой орел,
Весь мир я взглядом пристальным обвел
Отчаянным ветрам я отдал сердце!

ВЕТРЫ

Утро ль раннее, ночь ли поздняя,
ночь ли поздняя, утро ль раннее—
Неожиданно заявляется
бешабашная их компания.
«Отпирай-ка ворота!»—требуют,
ни к чему тогда препирания.
Будто песенники гульливые,
распевают повсюду ветры,
Путешественники счастливые,
поспевают повсюду ветры!

Ветры, ветры, вы очень разные—
сердобольные вы и грозные,
То пугливые, то бесстрашные,
то беспечные, то серьезные,
Равнодушные иль пристрастные,
раскаленные иль морозные.
Вы на севере и на западе,
и на юге витали, ветры,
И восточные наши запахи,
вы, конечно, впитали, ветры.
Осушая росу пьянящую,
совершаете небывалое—
Где расстался бы конь с подковами,
там встречаете небо алое.
Не убавится вашей удали,
подарили и мне бы, шалые!
Ранним утром иль поздним вечером
поравняться б с горою, ветры,
Чтоб со мною была доверчива,
я ей сердце открою, ветры!

Громыхайте, гремите, грохайте,
чтобы сила моя воспрянула,
Чтобы в бурю большая молния
осенила меня, упрямого,
Чтобы слава пришла огромная,
чтобы слово погромче грянуло—
Вы же сами внушили гордую
мне мечту о полете, ветры,
И к себе на вершину горную
непрестанно зовете, ветры!

СЧАСТЬЕ

Как счастлив тот, кто вырвался из туч,
Из темноты вчерашней, словно луч,
Кто в завтрашние дали напрямик
Сегодня сквозь туманности проник,
Предвозвестив приход грядущих лет,
Кто сам горит и источает свет,
Трудиться начиная до рассвета!
Как счастлив тот, кто руку подает
Товарищу, который отстаёт,
Кто может силу в спутника вдохнуть
И подсказать ему вернейший путь.

Как счастлив тот, кто на земном пути
Стремится даже солнце превзойти—
Согреть судьбу, что солнцем не согрета.
В том жизни красота и смысл большой,
Чтоб жить и жить всем сердцем, всей
душой,—

Вот вера и мечта, и цель моя,
Так мыслю я, так понимаю я.
Как счастлив тот, кто в буднях и борьбе
Прокладывает в завтра путь себе
И увлекает за собой поэта!
Я дни заполнил не трудом одним,
С мечтою мой союз нерасторжим,
Гляжу на караваны облаков
И, как вожатый, их вести готов.
И звезды, как землячки, предо мной.
Мои—и небосвод, и шар земной.
Как счастлив мир от моего привета!
Люблю зеленый луг в весенний день,
Когда, как снег, обдаст меня сирень.

Мне и зима приятна, и весна
Моим глазам приятна новизна,
Люблю природы вечный хоровод.
Как счастлив тот, кто нынешним живет,
И ожидает большего расцвета.
В душе, как в небе, сполохов не счесть,
В ней вспышки есть и затемненья есть.
Душа порою просит: слез не прячь,
Жизнь такова, что рядом смех и плач.
Но мне отрадней схватки разворот.
Как счастлив тот, кто приступом берет
Вершину, что и в лед и мглу одета!
Трудиться одержимо—день и ночь,
Пустые бредни отметая прочь,
И, ощущая взлет судьбы своей,
Работе отдаваться всё сильнее,
С отчизной петь, с отчизною скорбеть,
Народу посвятить и жизнь и смерть—
Как счастлив тот, кому под силу это!

НАШИ ГЛАЗА

Ночная мгла.
Ни звезд и ни луны,
А ночь светла,
Как первый день весны.
Ах, эта ночь!
В объятьях света—ночь.
Как небыль,
Как мечта поэта—ночь!
По гулким тротуарам разошлись
И на местах застыли фонари,—

Они, плечами подпирая высь,
Стоят на страже света до зари,
Их золотые кулаки грозят:
—Не смей к нам приближаться, тьма,
Назад!

А может это—птицы золотые,
На землю прилетевшие впервые,
И со столбов, как бы встречать рассвет
Хотят взлететь они друг другу вслед?
А может это—светлые сердца
Тех, кто народу верен до конца?
Нет, это —наши зоркие глаза,
И скрыть от них грядущее нельзя.
Фонарные столбы,
Мы не слабы,
Но путь далек,
Он между гор пролег.
И нам,
когда пойдем на приступ гор,

Вы будете надежней всех опор.

Глаза!

Пред ними тает темнота,

Нежнеют, утончаются цвета,

И капли света,

как с цветов—роса,

Уходят, испаряясь в небеса,

И золотистым ливнем в тишине

Захлестывают снова душу мне.

Глаза!

Они—для темноты—гроза,

Кварталы, прежде мрачные и днем,

И ночью добрым залиты огнем.

Ночная мгла.

Ни звезд и ни луны,

А ночь светла,

Как первый день весны,

Ах, эта ночь!

В объятьях света—ночь,
Как небыль,
Как мечта поэта—ночь!

ТУЧЕ В ЛИЦО

Тусклой молнией махая,
как зазубренным клинком,
Ты, небось, хотела б небо
заграбастать целиком.
Но к чему, скажи мне, туча,
этот грохот, этот гром?
Хватит шуму, дай же мне
поразмыслить в тишине!
Без тебя забот хватает,
не мешала б лучше ты,

У меня растут раздумья,
у меня растут мечты,
Мне твоих щедрот не надо,
что же смотришь с высоты?
Хватит шуму, дай же мне
поразмыслить в тишине!
Посуди: у молодого
жизнь большая впереди,

Ни малейшей тени в мыслях,
ни печалники в груди.
Голос мой из чистой меди,
ты надрывно не гуди.
Хватит шуму, дай же мне
поразмыслить в тишине!
На меня не надвигайся,
не дави тяжелой тьмой,

Заполакивая мраком

путь мой светлый и прямой.

Азерб. Госуд. Респуб.

Б И Б Л И О Т Е К А

имени м. Ф. Ахундова

Р-2 295
367-2

Век простого человека
равен вечности самой.
Хватит шуму, дай же мне
поразмыслить в тишине!

ЛИСТКИ РАЗДУМИЙ

Высокий я избрал себе маршрут,
Подъем, с борьбою сопряженный, крут—
Мне хорошо среди людей хороших,
Что ценят человека, ценят труд.
Я молод, знаю: счастье предо мной,
Как месяц, что не стал еще луной.
Я только распускаю парус белый—
Не вей же, черный ветер, над волной!
Со вздохом предок мой покинул мир,
Путь скоротал земной, покинул мир—
Бедняга, что сажал, а что пожал,—

Слезу назвав росой, покинул мир.
Вот это небо с морем—наши, друг,
И все, на что ни смотрим, наше, друг!
Соцветья на земле, созвездья в небе,
Созвучья в речи—наше все вокруг.
Не навсегда покончил мир с войной.
Свобода—мать, ребенок—шар земной.
Настанет день—измученному сыну
Найдется место на груди родной.
Мое происхождение ни при чем,
С трудящимся иду к плечу плечом.
Я—человек, краса и гордость мира,
Я порожден росинкой и лучом.
Земле цвести, как мы велим в мечтах,
И нашим песням не смолкать в веках.
Великий мир, как малого ребенка,
Мы вынянчим на собственных руках.
С былыми не сравнить, наш век иной,
Людей труда я счел одной семьей.
Меня писать сегодня заставляет

Товарищ солнца—Мингечаур мой.
Трудясь, мы станем более мудры,
Откроем в мире новые миры.
Огонь, как символ взлета и расцвета,
Народ зажжет на берегу Куры.
Дела дневные днем бы кончить нам,
Заночевать, где сердце хочет, там.
А утром вновь поднять послушный парус—
И устремиться к новым берегам!
Давай исполним все мечты, мой друг,
Давай осмотрим все цветы, мой друг.
И перед солнцем—ясным и высоким—
Мятежный дух расстелем, словно луг!
Хороший собеседник—сущий клад,
Найдя его, становишься богат.
Простая повесть о любви высокой
Настроит душу на высокий лад.
Душа с душою утром расстаётся,
И поцелуй прощальный раздается.
Сердца, как золотые кувшины,

Мы подставляем вновь под струи солнца.
Кто лжет, что жизнь—напрасная тщета,
Бесплотный сон, бесплодная мечта?
Нет ничего дороже человека,
От человека—жизнь и красота!
Я славлю наши вольные сердца!
Родят мечты, как молнии, сердца.
Заботами, отрадами, страстями
Кипят, как чаши, полные сердца.
Бездумный стих—безароматный мак,
Птенец, что в небо не взлетит никак.
Пустой, нескладный стих подобен пиру,
Где нет красавиц, где владычит мрак.
Вчера с поэтом встретился одним—
Скупец, сказав словцо, дрожит над ним.
Довольно! Невлюбленных и бесстрастных
Мы пред собою видеть не хотим!
Без вдохновенья петь нельзя певцу,
Без доброй няни жить нельзя мальцу.

Любой, кому не лень, в поэты лезет,
Но стыд и наглецу порой к лицу!
Что ты, душа, волнуешься опять?
Иль есть вершина, что не можешь взять?
Иль в небе есть другая соколица,
Что пляшет в ураган тебе под стать?
Я украшаю праздники побед,
Я приглашаю звезды для бесед.
Пойми, моя свобода необъятна:
Я—небо и земля, я—белый свет!
Нет солнца—не очнется стебелек,
Нет ветра—не качнется фитилек.
Когда бы мне друзья не отзывались,
Ни звука б я из сердца не извлек!

СТИХИ, ПОДСКАЗАННЫЕ СЕРДЦЕМ

Сердце мне подсказало:
Это—только начало.
Дни большого успеха,
 эти главные дни,
Дни веселья и смеха,
 эти славные дни,—
Всё у нас впереди!
Это—только начало,
Сердце мне подсказало.
Жизнь, добавило сердце,—
 превратится в жите

Для того отщепенца,
 что не ценит ее.
Заводские ворота
 и стальные пути,
И жемчужины пота,
 как награды почти,—
Все у нас впереди!
«Счастье—в прошлом, далече»,—
 дед говаривал мой,
Сердце противоречит
 поговорке былой.
Сердце мне подсказало:
Это—только начало.
Серебристые ночи—золотая пора,
И молоденький садик, и седая гора,
Раскаленное солнце и студеный родник,—
Все у нас впереди!

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

1

И вновь бушует Каспий на просторе,
Сшибаются опять шторма его.
Следы навечно оставляет море
На берегах раздумья моего.
Я те следы читаю, как впервые,
И край, объятый ветром, узнаю.
И в сердце бурю будят буровые,
Что горделиво реют в том краю.
То—ты, Баку, с твоей водой и сушей,
Пропитанный мазутом, край родной,

Послушай сына верного, послушай,
Я с красной песней встал перед тобой.
Я с памятью недавней пред тобою,
Прочешь одну страницу мне позволь,
Слилась моя судьба с твоей судьбою,
Во мне—твоя пронзительная боль.

2

Суровый восемнадцатый. То лето,
Тот самый год, что горек был, как яд,
Тот самый, что лишась дневного света,
Ночною темнотою был объят.
Баку, доколе жить было без солнца
И не лечить глубоких ран земли?
Твои в трудах возвращенные питомцы
Терпеть такого больше не могли.
И встали, чтоб за новый мир сразиться,
Чтоб защитить судьбу твою и честь.
Но пали Шаумян и Джапаридзе.
Пал Азизбеков. Пали двадцать шесть.

3

Чем дальше в море, тем опасней воды—
Безумицы заводят дикий хор.
И хоть вперед стремится полным ходом,
Ползет «Туркмен» по гребням зыбких гор.
Казалось, море с небом ждут рассвета,
Казалось, что становится светло,
Но солнце в глубине таилось где-то
И вырваться наружу не могло.

4

И вот, под стать стекляшке закопченной,
Вместила небосвод поверхность вод,
И, словно венчик камышинки черной,
Выглядывал из моря пароход.
Баку вослед ему смотрел с тревогой:
«А не чреват ли смертью этот путь?»
Стоял Баку на полосе пологой,
Стоял понуро, вглядываясь в муть.
А после поезд, извиваясь змеем,

Внезапно пасть ощерил и сомкнул,
И был их путь заранее измерен,—
Туда, где зноя и песков разгул.
В сухую степь, где желтизна лоснится,
В глухую степь, которой нет конца,
В такую степь, где ни цветка, ни птицы,
Ни зги, ни огонька, ни бубенца.
Пустыня эта жаждала, однако,
Чтобы цветы украсили пески,
И палачи не пожалели маков,
Что распускали тотчас лепестки.
Раскатом залпов тишину кромсало
И множились кровавые цветы,
И выкрикнул один из комиссаров
С насмешкою убийственной:—Эй, ты!
Эй ты, мастак стрелять по безоружным,
Настанет день, воспрянет род людской
И, это злодеянье обнаружив,
История расправится с тобой!

Прозреет завтра, кто сейчас во мраке,
И в добрый ветер превратит самум,
И мир дойдет, вздымая тяжкий факел,
До алых горизонтов наших дум!

1928

ЗЕМЛЯ

Ты—мать всего на свете, суть живая,
И нет тебе ни смерти, ни цены.
Скажу, тебе по праву отдавая,
И плоть, и дух в тебе воплощены.
Считаю я, твой сын, роднёй своею
Любую ветку и любой побег.
И зною вопреки, и суховею
Тебя преображает человек.
Мы вместе—две души в груди одной,
Гордясь тобой, я—человек земной,
Вознес тебя к заоблачным высотам.

Хоть не повсюду ты щедра, земля,
Но превратятся пустоши в поля—
Я орошаю их упорным потом.

ВОДОПАД

Из голубых очей горы высокой,
Лучась, как слезы счастья, льешься ты.
Сливаюсь всей душой с твоим потоком,
Лечу с тобой, как ветер, с высоты.
О водопад, что солнечно-хрустален,
Ты гулом всю округу огласил.
Записчик песен должен быть приставлен
К тебе, источник светоносных сил!
Ты—тоже водопад, о вдохновенье,
Рассудкам и сердцам не на мгновенье—

Навечно придаешь звучанье ты.
Земля раздумья, что взлетев, не тает,
Окроплена тобою, расцветает,
Овечный сплав напева и мечты!

ЗВЕЗДЫ

Порою в небе выглядите вы,
Как желтые цветы средь синевы,
Порою—словно россыпь слез густых—
Не как цветы, а как роса на них.
Тому, кто вас окинет беглым взглядом,
Покажется, что вы друг с дружкой рядом,
Но в сущности не высказать словами,
Какие расстоянья между вами!
А для меня с любимую мою,
Хотя я к ней приблизиться не смею,
Нет отдаленья, не было и нет.

Мечтанья сходны и сердца созвучны,
Узнать бы вам, как люди неразлучны,
Хотя разлука длится много лет!

МАРАЛ

Над пропастью блуждаешь одиноко—
Поранишься, кремень скребя, марал.
А я берег бы, как зеницу ока,
Тебя, такую лань, любя, марал!
Заронишь искру, глянув горделиво,
Я запылаю—пятишься пугливо.
Из родниковых глаз твоих бурливо
Лучи струятся, тьму дробя, марал!
О красоте твоей твердит полсвета.
Жоронишься от сглаза и навета—
Зачем тебе искать укрытье где-то?
В объятях спрячу я тебя, марал!

МОЯ ЛЮБОВЬ

Тяжел, тяжел ты, груз моей любви,
Согнулся б и дракон под ношей этой.
Душа моя, выносливость яви,
Не призывай на помощь и не сетуй.
Всё небо тучи скроют, оплетя,
И разразятся молнией и громом.
Для бури даже море—как дитя,
Хотя оно и кажется огромным.
И все-таки я ноше этой рад,
И не прошу пощады у преград,
А напролом шагаю, напрямую.

О, эти очи, что темней озер,
В них подолгу порой купаю взор—
Любуюсь и смываю боль любую.

О, ЕСЛИ Б СНОВА...

О, если б та же дача,
о, если б тот же сад,
что год тому назад!
Вам перебраться б снова,
а по соседству там
устроиться б и нам!
И нарастал во мне бы
ликующий прибой
от частых встреч-с тобой,
И вечером, и утром
писать бы и писать—
какая благодать!

Мне кажется: твой волос
не тоньше той мечты.
А ты? Что скажешь ты?
О, если б та же дача,
о, если бы опять
в гостях у вас бывать!
И твой такой правдивый,
такой пугливый взгляд
ловить я был бы рад.
Вели бы осторожно
беседу мы в тиши
о таинствах души,
И, вспугнутая братом,
иль зоркою сестрой,
меняла б ты настрой.
Но и таясь, два сердца б,
как прежде, бились в лад.
О, если б тот же сад!..
На горе бессердечным

особая у нас
весна на этот раз!
Куда ни глянь, приметы
прилежного труда
отрадней, чем всегда.
Раздумья стали глубже,
мечты еще светлей
сегодня у людей,
И требованья выше,
и гордость возросла,
и сдвигам нет числа,
И путь ровней и чище...
Особая у нас
весна на этот раз!
О, если б та же дача,
и рыхлый берег тот,
и гул каспийских вод!
Кудрявились бы волны,
как волосы твой,

я млея бы в забвении,
И вдруг тебя увлек бы
седой обманщик-вал,
и я б взревновал,
И яростнее шторма
во мне поднялся б гнев,
и я, рассвирепев,
Вступил бы в схватку с морем
и отнял бы тебя,
и обнял бы, любя!..
И вновь раздумьям нашим
скользить бы по волнам,
а следом бы и нам,
Как парус, расправляя
волос волнистых прядь,
взлетать бы и нырять!
Блистательна поэма
каспийской синевы,
взгляните же и вы!

Попробуем взобраться
на скалы в Бузовнах
и охватить размах!
Как маки, звезды в небе,
а на земле—огни
ночной росе сродни,
Обрызгана округа
их россыпью густой...
Любуйтесь красотой!
Как славно жарким летом
найти прохладный кров
у этих берегов!
Как славно с самой близкой,
родной тебе душой
послушать мир большой!
Как славно на рассвете
вдруг ощутить наш дух
во всем, что есть вокруг!

Увидеть отраженье
 возлюбленной. И где?
 В предугрненной воде!
Как славно к этой синей
 поэзии прильнуть
 и, впитывая суть,
Взлетать волнам подобно
 и падать им под стать,
 иль подаваться вспять!
Орлицами морскими
 взмывают волны ввысь.
 Они—как наша жизнь!
О, если б та же дача,
 о, если б тот же сад
 и серебристый пшат!
Какое это счастье—
 все лето быть вдвоем
 на берегу—морском!
Как полные бокалы,
 вскипали б наши дни,

бодрили б нас они!
Протягивая гребень
сквозь влажную листву,
(во сне иль наяву?)
Причесывала б ночью
тебя сама луна...
Ты краше, иль она?
Вдвоем, ладонь в ладони,
вдвоем, глаза в глаза...
Какая бирюза!
Словам моим прійтись бы,
как серьгам золотым,
под стать ушам твоим!
Друзьям моим отныне
согласья больше знать
и счастья больше знать,
Все дальше и все выше
их вымпелам нестись—
так призывает жизнь!

Заоблачные кручи
 первопроходцев ждут,
 прекрасен их маршрут!
Кто из сегодня в завтра
 стремится, только тот
 действительно живет.
Пусть человек, что в прошлом
 бежал во цвете лет
 от суеты сует,
В отечестве свободном
 постигнет путь иной,
 обнимет шар земной!
О, если б та же дача,
 о, если б тот же сад,
 что год тому назад!
Вам перебраться б снова,
 а по соседству там
 устроиться б и нам!
И нарастал во мне бы
 ликующий прибой

от частых встреч с тобой.
И вечером и утром ●
писать бы и писать—
какая благодать!
Мне кажется: твой волос
не тоньше той мечты.
А ты? Что скажешь ты?

ПЕСНЬ О ТЕРТЕРГЭСЕ

I

Душа в такой дали опять,
Где даже птицам не летать,
Парит, легко взмахнув крылом.
И далеко-далече мысли—
Они над пропастью нависли,
Тягуче, как туман с дождем,
О чем волнуется поэт?
Эпохе нашей равных нет
И не отыщется в былом.

Так пусть стихи, подобно турам,
И вниз и вверх по склонам бурым
Летят в порыве удалом!
Пора! Мне буря не страшна,
Пусть песни, за волной волна,
Идут сквозь бурю напролом!

II

И вот пришла весна в наш край,
Тарист, пожалуйста, сыграй
В честь этой встречи что-нибудь.
Сыграй такое, чтоб в обнимку
Туман повел на танец дымку,
Чтоб наши горы всколыхнуть!
Земля под солнцем зелена
И улыбается она
Тем, кто познал земную суть.
Листва терпенья облетела,
Тарист, настроив саз умело,
Дай мне душою отдохнуть.

А я раздумья запишу
Стихом, как гребнем, расчешу
И выйду вновь с Тертером в путь.

III

Не счесть заснеженных папах,
Прекрасен горный Карабах
Весенним утром—посмотри!
Цветы выходят на тропинки,
Росой осыпаны травинки,
Как перламутром,—посмотри!
На голубые облака,
На поднебесные луга,
Что изумрудны,—посмотри!
И на Тертер в тисках бетона,
Покорно сникший у затона,
Барашкокудрый,—посмотри!
Вздыхни, товарищ, грудью всей
И на людей, простых людей,
Творящих мудро,—посмотри!

IV

Ответь поэту, Тертерчай,
Какая буря невзначай
В горах дала тебе исток?
Что ни струя—строка в дастане,
А половодье—как восстанье,
И вправду жребий твой жесток!
Давно исчезло то, что смысл,
И дважды по тебе проплыл
Хотя б единственный листок?
Блестят извилистые плесы,
А не истории ли слезы
С твоих, Тертер, стекают щек?
Бессилен был любой утес
Перед потоком этих слез,
Кто, как не я, тебе помог?

V

Давай по совести, река,
Речь поведем издалека.

Припомни все сначала ты!
Горело некогда селенье,
А ты была не в отдаленье,
Вблизи его журчала ты.
Так почему же в час беды
Струе огня струей воды,
Вскипев, не отвечала ты?
Бежала, чтобы не вернуться,
Боялась даже обернуться—
От страха одичала ты.
Отчизна-мать, поведай мне,
Поведай мне, по чьей вине,
В дыму, в огне кричала ты?

VI

Чей это путь? Дашнакский путь...
В ущелье каждом—кровь и жуть,
Горьки названья мрачных скал.
Крича «от моря и до моря»,
Дашнак принес немало горя,

Дурную славу он снискал.
И там, и тут хватало бед,
Шел мусават, как людоед.
Вы помните его оскал?
Здесь ни садовнику, ни сад:
Когда-то не было пощады,
Гуляла смерть, свинец плясал.
И знаем мы, и помним мы,
Кто плакал средь кромешной тьмы,
А кто беде рукоплескал!

VII

Не утвердились ложь и зло.
Что миновало, то прошло.
Дни новой жизни—рать моя.
Питая в будущее веру,
Мечты доверили Тертеру
Гора моя и падь моя.
Азербайджанец, армянин—
Судьба едина, труд един,

В единстве мощь и стать моя.
Тергер прошу твоей подмоги,
Чтоб не отстать в большой дороге,
В которой что ни пядь—моя!
Спешу—нельзя терять минут,
Горя от нетерпенья, ждут
Леро мое, тетрадь моя.

VIII

Славь Алагёз, хребет Мровдаг—
Из их ручьев в тебе вода,
Достойно славословь, Тергер.
Взлетишь, как жаворонок смелый.
Иль, как скакун, взовьешься белый,
Чтоб опуститься вновь, Тергер.
Но не входи, бурливый, в раж,
Ненужного не будоражь,
Былого не буравь, Тергер.
Заблудший сам себя ославит
И навсегда его оставит

Народная любовь, Тертер,
Так не петляй, спускайся вниз
И влейся там, где Мадагиз,
Ты в грудь мою, как кровь, Тертер!

IX

Куда ни глянешь—новый вид.
Душа, как птица, норовит
Покинуть вновь гнездо свое.
И все вокруг, как на ладони:
И лес, темнеющий на склоне,
И дымки легкое витье.
От горьких песен старины
Мы отличать всегда должны
Пустопорожнее нитье.
Ты человечество сплотила,
И колыбель ты и могила—
Земля, пристанище мое.
Кто скажет: безобразен мир?
Прекрасен ты, прекрасен, мир,
Мое исконное жилье!

Х

Раскрой глаза—перед тобой
Вершины в дымке голубой.
На Карабах прекрасный глянь..
Явив ему любовь и милость,
Природа славно потрудилась,
Отшлифовав за гранью грань.
Здесь содовьи и розы есть,
Не жаль отдать и душу здесь,
Увидишь высь—и наземь грянь!
Блестит серебряное ложе,
Река на девушку похожа,
Чей грустный тар тревожит рань—
Я слов своих не досказал,
Я отвести не смог глаза,
В горах свою приметив лань.

ХІ

Сказать о деле не успев,
На все лады уже воспел
Восходов золото поэт.

Найти свое ты должен слово
О том, что сердцу стало ново,
Не те мы горы-то, поэт!
Заставь, поэт, оркестра медь
Над всей планетою греметь,
Довольно шепота, поэт!
Бери заряды аммонала,
Чтоб тьма наш край не обнимала—
Была расколота, поэт!
Чтоб тот, кто наш не ценит хлеб,
Не видит нас, хотя не слеп,
Оглох от грохота, поэт!

XII

Когда наотмашь высекал
Я новый путь средь старых скал,
Услышал боль твою, гора.
Но ты меня пойми, однако,—
Тебя же я спасу от мрака

И ты мою одобришь цель—
Широкий я пробью туннель,
Навстречу дню пробью, гора.
Неугасимый свет зажжется,
Сиять ночное будет солнце
В заоблачном краю, гора!
Устроим празднество потом—
Сперва прославимся трудом,
Возвысим честь свою, гора!

XIII

Из мрака солнце поднялось,
Лучами колкими насквозь
Пронзив туман и облака...
Но знаешь ли, какое солнце
Взойдет, когда сквозь тьму пробьется
Мечта, туманная пока?
Тертер, плескайся и блести,
В пути далеком навести
И горца ты и степняка.
Ты прояви свое всесилье,

Пусть станет краем изобилья
Приют змеи и паука!
Пусть навсегда исчезнет тьма
Из царства света и ума,
Что создается на века!

XIV

Тертер, поет твоя волна,
Меня баюкает она,
А ложе мне уступишь ты?
Твоя, Тертер, волна как лебедь,
Понять бы ропот мне и лепет—
И я не знал бы немоты!
Довольно! Свет наш не погас...
Тьма потоптала вдоволь нас,
Мы вырвались из-под пяты.
Стонали долго мы на свете—
От стонов не родится ветер,
От слез соленых мрут цветы.
Невесту в дом привел земляк—

Пусть лампа вспыхнет, словно мак,
Не подпуская темноты!

XV

Тертер, безделье позабудь
И за работу, в добрый путь.
Ты свет пролей—я пот пролью.
На Дашкесан пойдем в тумане,
В труде взаимопониманье—
Взаимовыручка в бою.
У нас в стране железо ждут,
Железо облегчает труд,
Удвой стремительность свою!
Электропоездом с размаху
Соедини Казах с Евлахом—
Молниеносность воспою.
Во тьму впечатай светлый след,
Дай моему народу свет,
Как я свой пламень отдаю!

XVI

Как Тертергэс верней назвать?
Она—красавице под стать,
Иль у нее изъяны есть?
Какие тайны спят в ущелье!
А для гулянья и веселья
Какие здесь поляны есть!
О чем печалиться тому,
Кто здесь, трудясь, кромсает тьму?
Фиалки есть, тюльпаны есть!
Под вечер друг встречает друга,
Под вечер вся поет округа,
Здесь тары есть, баяны есть.
Уходит солнце. Там ему
Не тесно ль будет? Не пойму—
Да разве краше страны есть?

XVII

Я всех людей сюда зову—
Вершится чудо наяву.

Как много новых здесь примет!
Где было кладбище немое,
Канал теперь там землю моет,
Смывает след прошедших лет.
Здесь я увидел старика
И понял я: наверняка
Спросить о чем-то хочет дед.
И я сказал: «Печаль отбрось-ка,
Что—я? Земли, быть может, горстка.
Смотри туда, вот мой совет.
На эту стройку посмотри,
Как строят бойко, посмотри!
Тускнеет жизнь и меркнет свет...»

XVIII

С пробитым черепом в руках
Я размышлял: всё—тлен и прах.
Мы все пойдем на корм червям.
Не смог я справиться с тоскою,
Потом махнул на всё рукою

И улыбнулся, как Хайям.
Решил свой краткий век земной
Я в праздник превратить сплошной,
Хорошим радуясь вестям.
Мои блуждающие взоры
Привлек Тертер, что рвется в горы,
Как небывалый век, упрям.
Я восхитился красотой
И череп, как бокал пустой,
О камень я расшиб к чертям!

XIX

Мы все живую воду ждем,
Огромный вырыв водоем,
Весь мир в него вместим, друзья!
Землею этой, и Тертером,
И потом, и трудом безмерным
Мы веку путь мостим, друзья!
Был в мире гостем человек—
Теперь у нас в гостях наш век,

У гостя мы гостим, друзья!
Его неплохо привечаем,
А если в чем-то оплошаем,
Себе мы не простим, друзья!
Так проводите гостя в путь,
Чтоб не обидеть чем-нибудь,
Добром простимся с ним, друзья!

XX

Пусть, как младенческие сны,
Отрадны будут и ясны
Любой рассвет, любой закат!
Пусть наши песни, что впитали
И нежность роз, и жесткость стали,
Как ливни, землю освежат!
Пусть всё, чем славится земля,
Глаза и сердце веселя,
Вольется в нас, как водопад!
После работы в час вечерний
Пусть нас приветит виночерпий,

Рокочут тар и бубен в лад!
Да есть ли в мире капитал,
Чтоб выше человека стал?
Нет, человек—бесценный клад!

XXI

Звени в ущельях, словно саз,
Не умолкая ни на час,
Сестра души моей, река!
Как друг на друга мы похожи!
Молчанья не люблю я тоже,
Свой нрав менять не смей, река!
Не стань похожей на сердца,
Что истощились до конца,
Вовеки не мелей, река!
Песнь о зеленом духе нашем—
Заветный гимн полей и пашен,
Воспрянув, грянь смелей, река!
Когда в объятых красоты
Поют из края в край сады,
Нет ничего милей, река!

XXII

Народы я зову сюда
И воды я зову сюда,
У всех нас празднество одно.
Пускай своей рукою каждый
Коснется вечности однажды—
Да будет это нам дано!
Блестящий след, как метеор,
Оставить, выйдя на простор,—
Об этом думалось давно.
Нам воздвигать под небом алым
Дворцы с размахом небывалым
И настезь—каждое окно.
Взгляните: небо—старый сад,
В нем гроздья звездные висят,
Их выжав, пейте, как вино!

XXIII

О Тертергэсе, об огне,
Что в глубине и вышине.

О быстротечном эта песнь.
О счастье, о земной отраде
И о труде не хлеба ради—
О безупречном эта песнь.
О душах без единой тени,
О широте и единенье
Чистосердечном эта песнь.
О красоте, что чувства будит,
О чувстве, что вовеки будет,—
О человеческом эта песнь.
О жизни, что мила всегда,
И о вселенной, что седа,—
О мире вечном эта песнь!

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Не поймешь, если глянешь издали,—
охраняют ли что столбы,
Иль чего ожидают идолы,
деревянные морща лбы.
Чтоб не видели, чтоб не выдали
груз своей и чужой судьбы,
Тайно взваливают на плечи им
телеграфные провода,
Ранним утром и поздним вечером
телеграфные провода.

Расстояния уменьшаете,
 приближая концы дорог,
Людам стойкость свою внушаете,
 если валятся люди с ног,
Растревоженных утешаете,
 избавляете от тревог,
Вы—в просторах не только странники,
 телеграфные провода,
Вы—народов и стран посланники,
 телеграфные провода.
Всё, что надо сказать,—пожалуйста,—
 не теряя усилий зря,
Город городу скажет запросто,
 вас при этом благодаря.
Необъятные реки замыслов
 и мечтаний у нас—моря,
Мы плеснем—подставляйте чаши вы,
 телеграфные провода,
Каждый дом посещали чаще бы,
 телеграфные провода!

Год за годом пройдет—и сбудется
предсказанье прошедших лет.
Человечеством зло избудется,
разногласья сойдут на нет,
Мир увидит, когда пробудится,
что окрасился в красный цвет,—
То известье вы так объявите,
телеграфные провода,
Чтоб навеки осталось в памяти,
телеграфные провода!

ПЕСНЬ ВЕЧНОСТИ

Так что ж, поэт? Опустошен твой клад
И грудь твоя волной не ходит, брат?
Не ты ли пробуждал века былые,
Гремел не твой ли голос, как набат?
Ты, ветер, слег? Ты, море, испарилось?
Ты, луг, поблек, утратив аромат?
Твое стучит и днем, и ночью сердце,
А ты молчаньем почему объят?
И тут ответ уверенный нашелся,
Остановил вопросов камнепад:

Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной.
Повей, зима буранная, повей,
Порадуй шубой белою своей!
Приди, весна,—моя шальная юность—
Пусть воды всколыхнутся веселей!
Ты, солнце, свей гнездо в купаве летней
Сыграй на сазе, ветер-чародей!
Пусть тополь, будто столб огня, возникнет
Среди осенних дымчатых полей!
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной.
В наперсницы любви я ночь беру,
Венки созвездий льнут к ее шатру.
Когда очнется мир, когда затеет
И тар, и бубен с кяманчой игру,
И ветер сочинять, как композитор,
Повадится на речке и в бору,
Когда волна и вал прилягут вместе
И рядышком проснутся поутру,

Когда луна, как дочь Востока, сбросит
Докучливую тучу, как чадру,
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
Иссякла ночь. Пусть день скорей придет!
Пусть мне не помощь соловей придет!
Пусть раздадутся голоса заводов,
Пусть эхо с хлопковых полей придет!
Спешит на город посмотреть деревня—
Пусть город повстречаться с ней придет!
Стихами передать бы всё, что утром
В движенье на земле моей придет!
Что ж медлить? Жизнь—арена состязанья
Пусть первым тот, кто всех сильнее, придет!
Поэт продолжит подвиг каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
Пока ты, человек, живешь, пока
Ты новых ждешь цветов от цветника,
Пока природу властно усмиряет
Твоя победоносная рука,

Пока ты добываешь хлеб из камня,
И в глубь земли врубается кирка,
Пока тебе необходима песня,
Что поднимает сердце в облака,
Пока последний лист и стон последний
Не отлетят в былое на века,
Поэт продолжит поиск каждодневный
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
На что мне океан, где тишь да гладь!
Хочу любовь большую воспевать,
Того, кто должен стать отцом, прослаблю
И возвеличу будущую мать.
Ладья любви измается в разлуке,
Что буре нескончаемой под стать,
Но небо просветлеет, улыбнется,
И встретятся влюбленные опять.
Возьму любовь, как золото, расплавлю,
Чтобы достойный памятник создать.
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!

О, яростное солнце! О, луна,
Что ко всему на свете холодна!
Эй, тучи, проходите надо мною,
За стаей—стая, за волной—волна!
Раздайся, небо! Разрыдайся, ливень!
Ты, речка, колобродь, не зная сна!
Ты, лес, курчавься, как мое раздумье,
Ты, ветер, душу отведи сполна!
Калейдоскоп картин и настроений
Вращают; чередуясь, времена.
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
Мелькают дни, пройдет за годом год,
Другое поколение в мир придет,
На празднествах народных в чистом поле
Пойдет за хороводом—хоровод.
Вы будете счастливей нас, потомки,
Вот вы и есть тот будущий народ!
Себе на службу человек поставит
Разгульность ветров, своеобразие вод.

Тока единым помыслом и делом
Не станут шар земной и небосвод,
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
Пришло большое счастье на Кавказ,
Друзья-поэты, начинайте сказ!
Я откажусь от собственного сердца,
Коль пламень вдохновенья в нем угас!
Я горем поделился бы с горою,
Когда бы раздобыл ашыгский сказ!
Наш долг подумать обо всем на свете,
Что было, есть и будет после нас.
Эй, земляки, грузины и армяне,
Пока не смолкнут Занг, Кура, Араз,
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
Ты воскресил и поднял нас, Октябрь,
Лучись, прекрасный без прикрас Октябрь!
С тобою армия труда воспряла,

Исполнив ленинский наказ, Октябры!
Приветствуя трудящихся России,
Былое вижу каждый раз, Октябры!
Немало мне капканов угрожало,
Спасибо, что меня ты спас, Октябры!
Еще и смутный Запад просветлеет,
Наступят эти день и час, Октябры!
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
Как грудь моя, вздымайся ты, Севан,
Ты щедр на ласку, щедр, Арменистан!
Как первые планеты в мирозданье,
Скитались поколения армян.
Мне любо, что теперь в Дэрэчичеке
Ты невозбранно рвешь цветы с полян.
И ты, как я, былое вспоминая,
Раскаяньем бываешь обуян?
Твоих огней становится всё больше,
Они в горах мерцают сквозь туман.

Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
Известен в мире испокон грузин
И доброй славой осенен грузин.
Кто превращает гиблые болота
В целебные уголья? Он, грузин!
От ига иноземного избавлен,
Трудолюбив, красив, силен грузин.
Риони и Куру переупрямил,
На их пути воздвиг заслон грузин.
В больших мечтах своих предвосхищает
Свершенья будущих времен грузин,
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!
Живи и ты, Азербайджан родной,
И все мечты исполни до одной!
Из малярийных выберется топей,
Окрепнет край низинный, край степной.
Мне тоже будет солнце улыбаться
И не пройдет удача стороной.

Я сам пекусь, как знаю, о народе,
Кому какое дело, что со мной.
Мингечаур преобразает землю
И жизнь приобретает лад иной.
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии, судьба—судьба Вселенной!
И если в кряж туманный превращусь,
Иль в камень безымянный превращусь,
Иль в брови над очами чаровницы
Отзывчиво-желанной превращусь,
Иль в день печали моего народа
Я в плач его гортанный превращусь,
Иль некоторых видеть не желая,
Чутья лишусь, в болвана превращусь,
Иль в мелкие осколки, словно кубок,
Разбитый смертью пьяной, превращусь,
Поэт продолжит поиск каждодневный,
Поэзии судьба—судьба Вселенной!

НЕЖНЕЙ БУТОНА, ПРОЧНЕЙ БУЛАТА

Так на Востоке издавна говорится о человеке вообще. А кажется, что впервые это было сказано о Микаиле Мушфике и его таланте.

Детская непосредственность и вековая мудрость соединяются в его стихах. Иногда представляешь его наивным ребенком, иногда—вещим старцем, а в биографической справке сообщается: родился в июне 1908, умер в марте 1939 года.

Отец его происходил из селения Саядлы, что по-русски означает: Охотничье. Располагалось оно в междугорье на берегах речки. Этого селения давно уже нет ни на картах, ни в действительности. А началось, говорят, с того, что один из саядлинцев, возвращаясь с охоты, ужаснулся, увидев на околице селения, что речка исчезла, ушла под землю... Еще до революции саядлинцы стали покидать родные гнезда. Многие из них оседали в нагорной части Баку. Ушел в город и Абдулгадир Исмаилзаде. Ушел учиться, а со временем и сам стал учительствовать в знаменитой школе «Саадет» («Счастье»). И к имени его прочно приросло звание «мирза». Гораздо ниже канцлера и чуть повыше писаря, оно в свое время произносилось очень и очень почтительно. Может быть, еще и потому, что по-своему

роднило таких великих сынов Азербайджана, как Мирза Фатали Ахундов, Мирза Шафи Еазех, Мирза Джалил Мамедкулизаде и Мирза Алекпер Сабир Таирзаде, а также их приверженцев—прогрессивно мыслящих просветителей и литераторов. Свое место в этой славной плеяде занял и Мирза Абдулгадир Исмаилизаде.

Развалины селения Саядлы поросли травой и кустарником, еще более сливающимися их с окрестностью. И только единственное дерево выделяется издали. По преданию, эту чинару посадил дед Мушфика. Не менее жизнестойкой оказалась и поэзия Мушфика. Прежде всего потому, что корнями уходит в устное народное творчество. Мать свою—Зулейху—Микаил потерял еще в младенчестве. Вынячила его бабушка—Гызгаит, от нее впервые он услышал и колыбельные, и прибаутки, и сказ-

ки. Позднее, по примеру отца, приобщился к восточной классике.

Поэзия Мушфика берет начало от слияния устных и письменных истоков, сочетая в себе деревенские напевы и городские ритмы.

Потеряв в 1914 г. и отца, Микаил вместе с братьями и сестрами переходит на попечение ближайших родственников. И все-таки до 1920 г. он остается круглым сиротой—без каких-либо прав в настоящем, без особенных надежд на будущее. Советская власть усыновила подростка. Меняется его мировосприятие—вчерашний сирота становится хозяином земли, хозяином жизни. Но человек есть человек, не сразу преобразуется он и не сразу нотки печали поглощаются мощной симфонией счастья. Да они и не растворяются, а наоборот—тонко

подчеркивают оптимистичность общего настроения. Голос Мушфика стремительно набирает полную силу, творческий облик его обретает многогранность. Лозунговая броскость и задушевная мягкость, проникновенная певучесть и четкая афористичность — это не арифметические слагаемые, а качества органически единого сплава. «Листики раздумий» — многокрасочная мозаика, где каждое четверостишие воплощает в себе четыре стороны света, романтическая «Песнь о Тертергэсе» — сплошное лирическое отступление о времени и о себе, о родине и революции, о природе и любви. Такова же и «Песнь вечности», в которой с еще большей силой звучит мотив дружбы народов, вполне естественный для питомца пролетарского, интернационального Баку.

Есть у Мушфика поэма «Разбитый саз» населенная людьми, которые жили в определенную эпоху: конец двадцатых—начало тридцатых годов. Это—живые люди со, своими лицами, характерами и судьбами. И—острый сюжет. «Разбитый саз»—аттестат зрелости поэта, способного успешно решать сложные художественные задачи. Это, пожалуй, наилучшая поэма того времени, ей заслуженно принадлежит место в золотом фонде нашей поэзии. А возвращаясь к «Песне о Тертергэсе», необходимо добавить, что она, блистательная и взрывчатая, примечательна не только освоением новой тематики, но и своей формой. Пятнадцатистрочие, примененное автором, получило название мушфиковой стрсфы. Это было таким же новаторством, как онегинская строфа—в русской поэзии.

Многие стихотворения Мушфика сегодня воспринимаются так, словно бы созданы они только вчера. А между тем, времени написания последнего из них прошло почти полвека. Лучшие из них, с годами не утрачивая свежести, обретают новые достоинства, повышается их ценность.

Его стихи и поэмы знают и любят и первоклашки и академики, его песни звучат повсеместно, цитатами из его стихов украшаются речи на всенародных празднествах и семейных торжествах.

Есть у нас обычай давать детям имена поэтов—не те, которыми их нарекли с рождения, а те, которые они избрали сами и под которыми прославились, — поэтические имена. Человек, носящий имя поэта, — живой памятник ему. Среди наших современников можно встретить и Низами, и

Видади, и Натаван. Много Вагифов и Сабиров. До конца пятидесятих годов существовало единственное исключение: в честь Сабира называли не только сыновей, но и дочерей. Мальчик—Сабир, девочка—Сабирә. Ныне в равной степени распространены имена Мушфик и Мушфикә. Дело не только в неисповедимых тайнах языка и притягательности самого имени, которое означает: милосердный, сострадательный, участливый, но и в особой любви к Мушфику.

Не исчезла речка, что протекала через Саядлы. Она выходит на поверхность возле города Сумгаита и вливается в море. Так и жизнь поэта слилась с морем жизни народной. Не каждому дано «воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела». по Каспию ходит корабль «М. Мушфик»;

на том месте, где поэт сначала сам получал знания, а затем передавал их детям, построено новое здание школы, носящей его имя; в городах и поселках республики есть улицы имени М. Мушфика.

Размышляя о судьбе Михаила Мушфика, вспоминают М. Ю. Лермонтова, Шандора Петёфи, Гарсиа Лорку. Дескать, если бы прожил дольше... Но правильней не прибегать к сослагательному наклонению, а твердо повторить: М. Мушфик—один из основоположников азербайджанской советской поэзии.

Это—не первая его книга на русском языке. От предыдущих, изданных в Баку и Москве, она отличается не только объемом, но и новыми переводами.

ВЛАДИМИР КАФАРОВ

М99 **Микаил Мушфик.** Лирика. Б., Язычы, 1985.— 98 с.

Микаил Мушфик (1908—1939) — классик азербайджанской советской поэзии — творил в конце 20-х и в 30-х годах.

Дружба народов, патриотизм, просвещение, художник и время, кипучая молодость и вечная любовь — вот поэтический мир Мушфика, творческие проблемы, заставляющие поэта думать, волноваться.

М 4702060100—85 Реш. кол. № 193
М—656—95 от 18/V-83 г. С(Аз)2

СОДЕРЖАНИЕ

«Я тучи, словно молния, прорвал...»	5
Ветры	6
Счастье	9
Наши глаза	12
Туче в лицо	16
Листики раздумий	19
Стихи, подсказанные сердцем	24
Двадцать шесть	26
Земля	31
Водопад	33
Звезды	35
Марал	37
Моя любовь	38
О, если б снова...	40
Песнь о Тертергчэсе	49
Телеграфные провода	69
Песнь вечности	72
<i>В. Кафаров.</i> Нежней бутона, проч- ней булата	81

МИКАЛЫЛ МУШФИГ

Бакы·Язычы·1985

Редактор *Т. Гусейн-заде.*

Художник *Ю. Сальников.*

Художественный редактор *А. Воловик.*

Технический редактор *В. Севоян.*

Корректор *Т. Кязимова.*

ИБ № 2531

Сдано в набор 2.04. 1985. Подписано
к печати 13.08 1985. Формат бумаги
60×90 ¹/₆₄. Бумага № 1. Литературная
гарнитура. Высокая печать. Физ. и условн
п. л. 1,4+5 вкл. Учетн. изд. л. 1,92.
Тираж 500. Заказ № 367. Цена 5 руб.

Государственный Комитет
Азербайджанской ССР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли. Издательство «Язычы», 370005.
Баку, площадь Натаван, 5.

Типография «Красный Восток».
370000. Баку, ул. Ази Асланова, 80.

P-2295

